

В. Г. Графский¹

О ПРАВЕ НА ДОСТОЙНОЕ ЧЕЛОВЕКА СУЩЕСТВОВАНИЕ В СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ (Из истории идеи)

Потребность и непреходящая забота о достойном существовании и, соответственно, достойном обращении зафиксирована в обычаях и узаконениях многих народов с незапамятных времен. Поскольку первые узаконения в государственно-организованном и государственно-сплоченном общезжитии, как и многие существовавшие до них правовые обычаи, представляли в виде морально-нравственных наставлений, то наиболее известными правилами такого рода можно считать ветхозаветные 10 заповедей.

Среди них обращает на себя внимание своей бесспорной социальной оправданностью заповедь о почитании родителей: «почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле...» (Исх. 20: 12). Столь же хорошо известны и наказания за нарушение этой заповеди, которая была одновременно правилом должного поведения. Наказания были понятными, доступными, четко определенными и крайне суровыми. Именно по этим причинам они, по всей вероятности, оказались наиболее действенными в деле предупреждения и смягчения недобрых отношений в семье и за ее пределами.

Право на достойное человека существование в своей собственно юридической составляющей предполагает отлаженную защиту и охрану определенных человеческих благ и интересов, при этом общепризнанный статус этих благ и интересов всегда был высоким и размещался на самом верхнем уровне иерархии ценностей, то есть существующей ие-

рархии норм и ценностей религиозных, моральных, нравственных и связанных с ними правовых.

В этом смысле нетрудно обнаружить и уяснить наличие преемственной связи современного представления о праве на достойное существование с очень отдаленными по историческому измерению идеями и узаконениями. Обратимся за иллюстрацией к положениям средневекового императорского судебника, известного под названием Каролина (1532). В разделе «О судьях, судебных заседателях и судебных чиновниках» император Карл V, от имени которого составлено уложение, торжественно и «гласно объявлял»: «Итак, прежде всего мы постановляем, повелеваем и желаем, чтобы... уголовные суды были устроены наилучшим образом и никому не причиняли неправды, ибо сим *важным делам, касающимся чести, тела жизни и имущества человека*, подобает ревностное и предусмотрительное усердие» (пер. С. Я. Булатова, курсив мой. — В. Г.). Высшим благом человека, защищаемого от «причинения неправды» и охраняемого законом во имя обеспечения «общего блага», было совокупное достояние человека — его жизнь, здоровье, а также честь и собственность.

Пройдет немало времени, прежде чем это же человеческое достояние будет названо естественными и неотчуждаемыми правами человека и получит несколько иное терминологическое оформление. В конце XVII века Джон Локк увековечит это достояние в виде формулы о триаде естественных прав человека (*жизнь, свобода, собственность*), а в 1776 году Томас Джефферсон попытается уточнить ее как триаду естественных и неотчуждаемых прав человека в виде *права на жизнь, свободу и стремление к счастью*, которые к тому же пребывают в понятной взаимосвязи с «самоочевидной истиной, что *все люди сотворены равными*».

Формула «право на достойное человека существование» является изобретением конца XIX столетия и становится общественно значимой благодаря усилиям двух выдающихся мыслителей — Георга Еллинека в Германии и Владимира Соловьева в России. Для немецкого философа достойное существо-

¹ Заведующий Сектором истории права и государства Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор. Автор более 230 научных публикаций, в т. ч. 10 монографий: «Федерализм в развивающихся странах»; «Государство и технократия: историко-критическое исследование»; «Бакунин: из истории политической и правовой мысли»; «Политические и правовые взгляды русских народников» и др.; учебников: «История политических и правовых учений»; «Всеобщая история права и государства» и др. Ряд работ переведен на иностранные языки. Член редколлегии журнала «Государство и право». Член Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии РФ по праву и политологии, координатор Экспертного совета отдела философии, социологии, правоведения, политологии и науковедения Российского гуманитарного научного фонда.

вание человека как гражданина определенного государства взаимосвязано с наличием определенных нравственных условий. Исходя из этих соображений он ставит и обсуждает вопрос о необходимом минимуме условий для выживания общества. Он уточняет толкование права указанием на его взаимосвязь с нравственностью и фиксирует ее формулой «право есть не что иное, как этический минимум», который необходим для выживания общества и для проявлений соответствующих нравственных настроений.

Сам термин «минимум», толкуемый как «минимум жизнедеятельности» (*Existenzminimum*), был взят из обихода экономистов, где он означал обязательный минимум материальных средств для выживания общества, без которого оно распадается, умирает. Точно такое же назначение у конструкции права как минимума минимума нравственной жизнедеятельности. Право, будучи воплощением минимальных нравственных и полноразмерных законных требований, обеспечивает выживание общества созданием внутренней убежденности сограждан в необходимости такого сочетания права и нравственности, что в свою очередь благотворно воздействует на эффективность действия самого права¹.

Достойное существование предполагает наличие необходимых и достаточных условий для пользования многими и разными правами, признаваемыми необходимыми человеку в его частной и в известных пределах в общественной и политической жизни. Уже упомянутые ранее формулировки прав человека в трудах философов и публицистов XVIII века относятся к разряду азбучных истин теории естественного права и естественных прав человека. Обсуждались они и в рамках теоретической юриспруденции.

Однако, как полагал Г. Еллинек, естественно-правовой юриспруденции этого периода не доставало более глубокого понимания различных социальных сил, воздействующих на право. Она, прежде всего, не вполне уяснила себе, как бессильно было бы право, если бы оно, будучи поддержано принуждением, ничем кроме средств внешнего государственного принуждения не располагало. На примере церковного права уже давно было продемонстрировано, что правопорядок может быть гарантирован средствами иными, чем те, которые обычно объединяются под понятием правового принуждения. Естественно-правовое мировосприятие признавало принуждение в вопросах совести, но противопоставляло его правовому принуждению как принуждению внешнему; все то, что гарантировалось только принуждением этого последнего рода, оно не признавало правом.

Эта давняя по происхождению теория — и вплоть до новейших ее модификаций — упускает из виду, что кроме государства существуют еще и другие социальные силы, которые предстают надежными гарантиями соблюдения норм права. То неорганизованное давление, которое производят на индивида и общество общепризнанные социальные нравы, особые правила приличия в поведении определен-

ных общественных классов и профессий, конфессиональные союзы, пресса и литература, гораздо сильнее, чем сознательное, осуществляемое государством принуждение. Негосударственные гарантии сами по себе, без государственного принуждения, не были бы достаточными для охранения правопорядка. В то же время с прекращением давления со стороны указанных социальных сил разрушился бы сам правопорядок, ибо законное государственное принуждение является в известном смысле всего лишь элементом, служащим для необходимого подкрепления внесударственных гарантий пользования правами².

Подход Владимира Соловьева был несколько иным. Право на достойное существование он рассмотрел в другой иерархии ценностей — прежде всего в иерархии ценностей духовных, связанных с перспективой нравственного совершенствования человека.

Центральным вопросом в обсуждении права на достойное человека существование для Соловьева стал вопрос о характере взаимоотношений права и нравственности и роли права в нравственном совершенствовании человека, в том числе роли присущей правовому общению традиции принудительного осуществления необходимых правил и требований. По словам философа, правом при поддержке государства обусловлена действительная организация нравственной жизни в целом человечестве, и при отрицательном отношении к праву, как таковому, нравственная проповедь, лишенная объективных средств и опор в чуждой ей реальной среде, осталась бы в лучшем случае только *невинным пустословием*, а само право, с другой стороны, при полном отделении своих формальных понятий и учреждений от их нравственных принципов и целей потеряло бы свое безусловное основание и, в сущности, ничем уже более не отличалось бы от произвола.

Обращает Соловьев внимание и на словесное оформление термина «право» — право «на всех языках» непреложно свидетельствует о коренной, внутренней связи этих двух идей: принудительного осуществления необходимых правил и нравственно-должного наполнения. «Понятие права и соотносительное с ним понятие обязанности настолько входят в область идей нравственных, что прямо могут служить для их выражения. Всякому понятны и никем не будут оспариваться такие этические утверждения: я сознаю свою *обязанность* воздерживаться от всего постыдного, или, что то же, признаю за человеческим достоинством (в моем лице) *право* на мое уважение; я *обязан* по мере сил помогать своим ближним и служить общему благу, т. е. мои ближние и целое общество имеет *право* на мою помощь и службу; наконец, я *обязан* согласовать свою волю с тем, что считаю безусловно-высшим, или, другими словами, это безусловно-высшее имеет *право* на религиозное отношение с моей стороны (на чем первоначально и основано всякое богопочитание)». Общий вывод философа такой: нет тако-

¹ Еллинек Г. Социально-этическое назначение права, несправды и наказания. М., 1910. С. 48.

² Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2001. С. 335.

го нравственного отношения, которое не могло бы быть правильно и общепонятно выражено в терминах правовых¹.

Отсюда не следует, конечно, что сферы права и нравственности совпали одна с другою и что можно не только сблизить, но смешивать этические и юридические понятия. Неоспоримо только то, разъяснял свою позицию Соловьев, что между этими двумя областями есть положительное и тесное, внутреннее отношение, не позволяющее отрицать одну из них во имя другой.

И нравственный, и юридический законы относятся, собственно, к внутреннему существу человека, к его воле, но первый берет эту волю в ее общности и всецелости, а второй — лишь в ее частичной реализации по отношению к известным внешним фактам, составляющим собственный интерес права, каковы неприкосновенность жизни и имущества всякого человека и т. д.

С точки зрения юридической важно именно объективное выражение нашей воли в совершении или недопущении известных деяний. Это есть другой существенный признак права, и если оно первоначально определилось как некоторый минимум нравственности, то, дополняя это определение, мы можем сказать, утверждал Соловьев, что право есть требование *реализации* этого минимума, то есть *осуществления определенного минимального добра*, или, что то же, действительного устранения известной доли зла, тогда как интерес собственно нравственный относится непосредственно не к внешней реализации добра, а к его внутреннему существованию в сердце человеческом.

Нравственный интерес требует личной свободы как условия, без которого невозможно человеческое достоинство и высшее нравственное развитие. Но человек не может существовать, а следовательно, и развивать свою свободу и нравственность иначе, как в обществе. Нравственный принцип требует, чтобы люди свободно совершенствовались, но для этого необходимо существование общества. Однако общество не может существовать, если всякому желающему предоставляется беспрепятственно убивать и грабить своих ближних; следовательно, принудительный закон, действительно не допускающий злую волю до таких крайних проявлений, разрушающих общество, есть *необходимое условие нравственного совершенствования* и, как такое, *требуется самим нравственным началом*, хотя и не есть его прямое выражение.

Требование личной свободы, чтобы оно могло осуществиться, уже предполагает стеснение этой свободы в той мере, в какой она в данном состоянии человечества несовместима с существованием общества или общим благом. Эти два интереса, противоположные для отвлеченной мысли, но одинаково обязательные нравственно, в действительности сходятся между собою. «Из их встречи рождается право»².

¹ См.: Соловьев В. Право и нравственность (1899). Минск, 2001. С. 22–44.

² Там же. С. 30, 35–39.

Принцип права может рассматриваться отвлеченно; и тогда он есть лишь прямое выражение справедливости. Но в понятии права непременно заключается элемент объективный, или требование реализации: необходимо, чтобы право имело силу всегда осуществляться, то есть чтобы свобода других, независимо от моего субъективного ее признания, то есть от моей личной справедливости, всегда могла на деле ограничивать мою свободу в равных пределах со всеми. «Это требование справедливости принудительной привносится из идеи общего блага или общественного интереса, или — что то же — интереса реализации добра, для чего непременно нужно, чтобы справедливость была действительным фактом, а не идеей только. Степень и способы этой реализации зависят, конечно, от состояния нравственного сознания в данном обществе и от других исторических условий. Таким образом, право естественное становится правом положительным и формулируется с этой точки зрения так: *право есть исторически-подвижное определение необходимого принудительного равновесия двух нравственных интересов — личной свободы и общего блага*».

Свобода каждого человека или его «естественное право жить и совершенствоваться» было бы пустым словом, если бы они зависели от произвола всякого другого человека, которому захочется убить или искалечить своего ближнего или отнять у него средства к существованию. И если мы имеем нравственное право отстаивать свою свободу и безопасность от покушения чужой злой воли, то помогать в этом отношении другим есть наша нравственная обязанность; «эта общая всем обязанность и исполняется в пользу всех законом уголовным».

Но правовое принуждение в этой области, ограждая свободу мирных людей, оставляет достаточный простор и для действия злых наклонностей и не принуждает никого быть добродетельным. Злобный человек может, если хочет, проявлять свою злобу в злословии, интригах, клеветах, ссорах и т. д. Только тогда, когда злая воля, покушаясь на «объективные публичные права ближних», грозит безопасности самого общества, тогда только интерес общего блага, совпадающий с интересом свободы мирных граждан, должен ограничить свободу зла. Право в интересе свободы дозволяет людям быть злыми, не вмешивается в их свободный выбор между добром и злом; оно только в интересе общего блага препятствует злему человеку стать *злодеем*, опасным для самого существования общества. «Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он — *до времени* не превратился в ад». Такой преждевременный ад грозил и еще до некоторой степени грозит человечеству *с двух сторон*. Так как нормальное, то есть «безопасно и достойно существующее и совершенствующееся», общество обусловлено «правильным равновесием личного и собирательного интереса», то пагубные для общества отклонения от безопасного и достойного бытия могут быть основаны или на перевесе силы у личных произволов, разрываю-

щих общественную солидарность, или, напротив, на перевесе силы у общественной опеки, подавляющей личность, — «первая аномалия грозит гжучим адом анархий, вторая — ледяным адом деспотизма, то есть той же анархии, того же произвола, только сосредоточенного, стянутого и давящего извне»¹.

Разумеется, в исторической действительности «равновесие между свободными личными силами и собирательной силой общественной организации является подвижным и колеблющимся, слагающимся из множества частных нарушений и восстановлений».

Защита жизни и имущества всех от посягательств внешних и внутренних врагов и затем «обеспечение всем необходимой помощи», образовательной, санитарной, продовольственной, со всем, что этому служит (пути сообщения, почта и т. д.), — вот «*практическое добро*», которое может и должно осуществляться организованной силой общества, неизбежно налагающей для этого на частных лиц определенные ограничения, или «повинности». Основное свойство того добра, которое обусловлено правовой общественной организацией, есть не принудительность (что есть лишь возможное следствие), а общепонятная *объективность задачи*. Важно, прежде всего, чтобы известные вещи фактически *были* и чтобы известных вещей фактически *не было*. Важно, чтобы надежной *была защита* от внешних врагов, важно, чтобы они не жгли и не разоряли сел и городов; важно, чтобы лихие люди не убивали и не грабили прохожих; «*важно, чтобы население не вымирало от болезней; важно, чтобы были для всех доступные школьные условия умственного образования и просвещения*».

Эти рассуждения философа подготавливают восприятие права на достойное существование как своего рода современную модификацию одного из естественных прав человека, признаваемого также и правом положительным, то есть законодательством того или иного современного государства.

«Естественное право есть та алгебраическая формула, под которую история подставляет различные действительные величины положительного права». Естественное право сводится всецело к двум факторам — свободе и равенству, то есть оно, собственно, и являет собой «*общую алгебраическую формулу*» всякого права, его рациональную (разумную) сущность. Свобода есть необходимый субстрат, а равенство — его необходимая формула. Цель нормального общества и права составляет общественное благо. Эта цель есть общая, а не коллективная только (не сумма отдельных целей). Эта общая цель по существу своему внутренне соединяет всех и каждого. Соединение всех и каждого происходит при этом благодаря солидарным действиям в достижении общей цели. Право стремится осуществить справедливость, но стремление это — лишь общая тенденция, «логос» и смысл права².

¹ Соловьев В. Указ. соч. С. 42.

² Там же. С. 19.

Право положительное лишь воплощает и реализует (иногда не вполне совершенно) в конкретные формы эту общую тенденцию. Право (справедливость) пребывает в таком соотношении с религиозной моралью (любовью к ближнему своему), в каком пребывают государство и церковь. При этом любовь к ближнему другому есть нравственный принцип церкви, а справедливость есть нравственный принцип государства. Право в отличие от «норм любви, религии» предполагает принудительное требование реализации минимального добра. Существенной является комплексность философской характеристики права как воплощенного этического минимума и как необходимого атрибута достойного человеческого существования. В наборе прав человека право на достойное существование — одно из центральных.

«Требуется, — разъяснял русский философ, — чтобы всякий человек имел не только обеспеченные средства к существованию и достаточный физический отдых, но чтобы он мог также пользоваться и досугом для своего духовного совершенствования». В обсуждении этого фундаментального права философ употребляет следующие уточняющие характеристики: право человека на достойное существование; одно из основных общечеловеческих прав. Главная особенность философского учения о праве на достойное человека существование Соловьева заключена в его соподчинении идее общего блага и личной свободы.

В современном законодательстве право на достойное человеческое существование впервые наиболее отчетливо было зафиксировано в тексте Веймарской конституции 1919 года. Это было сделано в ст. 151 в такой формулировке: «Строй хозяйственной жизни должен соответствовать началам справедливости, имея целью гарантировать для всех достойное человека существование. В этих пределах надлежит обеспечить хозяйственную свободу отдельной личности. Законное принуждение допустимо только для осуществления прав, которым грозит опасность или ради высших требований общего блага».

Это принципиальное положение дополняется еще одним важным конституционным требованием: «Собственность обязывает. Пользование ею должно быть в то же время служением общему благу» (ст. 153). В ныне действующей конституции (1949) это право предполагается, по всей видимости, наличествующим правилом в процессе претворения общего конституционного принципа о защите и соблюдении человеческого достоинства. «Достоинство человека неприкосновенно. Соблюдать и защищать его является обязанностью всей государственной власти» (ст. 1).

В российской Конституции 1993 года это право отчетливо не фиксируется, провозглашается лишь общий принцип о политике по созданию условий, обеспечивающих человеку достойную жизнь. «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Таким образом, право на до-

стойное человека существование имеет признание в современных конституциях, но не существует в виде действующего субъективного права. Поскольку действующее право обладает рядом вполне определенных и наличествующих в общественной практике правил-требований и процедурных действий. Как пояснял Еллинек, необходимым признаком всякого права является то, что оно есть право действующее: «Правоположение только тогда представляет составную часть правопорядка, когда оно действует, — право, уже не действующее или должностное еще превратиться в действующее, не есть право в истинном значении этого слова». Норма действует, если она обладает способностью вли-

ять в качестве мотива, определять волю. Конечным же источником этой способности служит убеждение в том, что мы обязаны следовать этой норме. «Положительность права», как и положительность гарантирующих его пользование закона и режима законности в конечном результате основана на убеждении в том, что это есть право действующее. «На этом чисто субъективном элементе построен весь правопорядок»¹.

Таким образом, право на достойное человека существование, признаваемое концептуально и доктринально, все еще ждет своего институционального и гарантированного процедурного оформления и закрепления.

---

¹ Еллинек Г. Общее учение о государстве. С. 335.